

Глава 24. Надежда

Стоило слову «зять» сорваться с губ брата, как Гу Фаньинь всерьез задумалась, как ей сдержаться и не избить его до полусмерти.

Да, Лян Ланъин ей нравился — отрицать вспыхнувшее чувство было бы глупо, — но между ними никогда ничего не было. Один жил в далеком Цинсяо-цзун, другая — в Павильоне Циюй. Ни пылких признаний, ни законного союза — они толком даже не разговаривали.

К тому же холодная и немногословная по натуре, она посвятила себя исключительно Пути бессмертия и была уверена, что до конца дней останется равнодушной к мирским привязанностям.

Все изменилось чуть больше века назад. Тогда на Террасе всех небожителей она воочию увидела танец меча Лян Ланъина — первого мастера в Списке десяти святых. То была непостижимая, недостижимая техника. Всего один мимолетный взгляд на его ослепительное величие навсегда запечатлелся в памяти, став ее единственной нитью, связывавшей холодный разум с суетным миром смертных.

Разумеется, Гу Фаньинь никогда бы в этом не призналась. Она заперла свои чувства в самых потаенных уголках души, скрыв их от всех — и от самого Лян Ланъина, и даже от себя самой.

Вот только родного брата обмануть не удалось. Гу Юньцзюэ знал ее как никто другой: ей не нужно было ни говорить, ни действовать — хватало одного взгляда, чтобы он с легкостью прочитал все ее мысли.

— А-Цзинь, тебе ведь нравится Вэйцы-цзюнь? — поинтересовался Гу Юньцзюэ.

Гу Фаньинь даже не повернула головы. Она застыла с ледяным выражением лица, плотно сжала губы, не проронив ни звука.

Любой другой счел бы такое молчание презрением. Но Гу Юньцзюэ воспринял это как безоговорочное признание. Он отшатнулся на три шага, схватился за сердце и с наигранным ужасом воскликнул:

— О небеса, сестрица! Оказывается, твоя любовь к Вэйцы-цзюню столь глубока и бескорыстна! И почему я до сих пор не знал, что в нашей семье растет такая преданная и чувствительная душа?

"..."

Сглазу на глаз подобные шутки еще можно было стерпеть. Но когда этот несносный болтун во всеуслышание назвал Лян Сюаня своим зятем, в душе всегда невозмутимой заклинательницы

впервые родилось вполне отчетливое желание придушить брата на месте.

— Зять?! Это еще что значит?

— Молодой господин Гу, вы утверждаете, что Вэйцы-цзюнь — ваш зять? Это... правда?

— Когда они успели пожениться? Почему никто из нас и сном и духом не ведал?

Толпка заклинателей в замешательстве переглядывалась, не понимая, что происходит.

Цюй Цинъюэ, обладавший завидной проницательностью, сразу понял истинную подоплеку смущения Гу Фаньинь. Зная, что Гу Юньцзюэ просто паясничает, он поспешил вмешаться, дабы вернуть разговор в конструктивное русло:

— Молодой господин Гу шутит. Всем известно, насколько близки и дружны они с Вэйцы-цзюнем. Это просто дружеское панибратство, не более.

Когда шумиха улеглась, Тай Сюй, хотя больше и не пытался язвить, буквально потемнел от злости. Проглотив сквозь зубы крайне сухое и неискреннее извинение в адрес Лян Сюаня, он круто развернулся и стремительно ушел, ни разу не оглянувшись.

В его словах не было ни капли раскаяния, впрочем, Лян Сюаню сейчас было совершенно не до него.

Будь он в своем обычном расположении духа, он непременно развил бы успех и разнес этого лицемерного монаха в пух и прах, заставив сгореть от стыда. Но сейчас у него попросту не осталось сил на подобные пререкания.

Юань Цяньчао попытался спросить, что стряслось, но Лян Сюань проигнорировал его. Молча забрав Цанлань из рук Шэнь Гумина, он подошел к туше поверженного Таоте. Взмах меча — и из распоротого чрева чудовища на окровавленную землю с глухим стуком выпал деревянный жетон цвета увядающего платана, размером с ладонь.

Мало кто из присутствующих признал в этой вещице редчайший артефакт. Лян Сюань поднял его, стряхнул пыль и повернулся, намереваясь уйти, как вдруг за спиной раздался негромкий голос Цюй Цинъюэ:

— Вэйцы.

Лян Сюань замер, не оборачиваясь.

— Ты хорошо все обдумал? — тихо спросил Цюй Цинъюэ. — Действительно намерен пойти на это?

— Что? О чем речь? Что собрался делать Вэйцы-цзюнь?

— Без понятия... Сиу-цзюнь, объясните толком! Что это за жетон и для чего он нужен?

Никто вокруг не понимал скрытого смысла их короткого диалога, однако Цюй Цинъюэ и не собирался ничего объяснять любопытствующим. Он лишь неотрывно смотрел в спину удаляющегося друга, и в его взгляде, обычно столь безмятежном, промелькнула глубокая, тщательно скрываемая скорбь.

Лян Сюань помедлил секунду. Он так и не обернулся и не ответил. Сделав шаг вперед, он скрылся под сенью деревьев. Его тонкий, хрупкий силуэт казался бесконечно одиноким, словно всю свою жизнь он шел по этому тернистому пути в полном уединении.

Шэнь Гумин, выбросив из головы лишние мысли, поспешил следом, стараясь не отставать.

Вскоре обе фигуры — одна в белоснежном ханьфу, другая в золотистом — растворились в полумраке чащи.

Окружающие могли лишь гадать о предназначении заветного деревянного бруска, но Юань Цяньчао прекрасно знал, что это такое. В руках Лян Сюаня был Жетон собирания душ — проводник в Мир призраков, заменявший пропуск в само Подземное судилище Инцао.

Свое название артефакт получил благодаря способности восстанавливать разрушенную душу. Однако существовало суровое условие: тот, кого хотят вернуть, должен быть мертв, а в Мир призраков обязана сохраниться хоть малейшая крупинка его духовной сущности. Причем владельцу жетона предстояло отыскать эту ускользающую искру самостоятельно. Лишь тогда древний артефакт мог связать воедино осколки памяти и подарить умершему новую жизнь.

Но заигрывания со смертью нарушают незыблемые законы мироздания. За возвращение души из небытия Небесное Дао неминуемо потребует страшную плату: в лучшем случае призыватель навсегда потеряет целую ступень совершенствования, в худшем — отдаст собственную жизнь в обмен на чужую.

Сопоставив странное поведение Лян Сюаня с обладанием жетоном, Юань Цяньчао почувствовал, как по спине пробежал ледяной холодок. Он потрясенно уставился на Цюй Цинъюэ:

— Неужели Вэйцы-цзюнь собирается...

Имя «Син И» давно превратилось в запретное табу среди заклинателей. Помня о присутствии

посторонних, глава ордена не решился произнести его вслух, однако Цюй Цинъюэ без слов понял его недосказанную мысль. Тихо вздохнув, он скорбно кивнул.

Лян Сюань хотел воскресить Син И.

Даже если ради этого придется пожертвовать собой.

В глубине тайного царства раскинулся мертвый лес. Здесь не шелестела листва, не пели птицы. В вечном безмолвии обитали лишь свирепые твари да редкие заклинатели, рыскавшие в поисках добычи для укрепления своего Золотого Ядра. Другого пути к выходу из иллюзорного мира не существовало.

Лян Сюань мчался вперед с невероятной скоростью. Шэнь Гумин едва поспевал за ним. Просить о передышке было неловко, поэтому юноше приходилось то бежать, то переходить на быстрый шаг, замороженно наблюдая, как мелькает впереди белая фигура, без усталости разящая встающих на пути чудовищ.

Никаких лишних взмахов, никаких сложных стоек — легкое движение запястья, и прятавшиеся в засаде монстры падали замертво. Позади них оставалась лишь тропа, залитая черной кровью и усыпанная телами поверженных тварей.

Так они и двигались, пока наконец один за другим не покинули пределы тайного царства Линъюань.

Убедившись, что у подножия Башни Древнего зеркала никого нет, Лян Сюань достал из широкого рукава заветный жетон. В его взгляде вспыхнул робкий, лихорадочный блеск.

"Достал... Наконец-то он у меня. Теперь Син И сможет..."

— Старший, вы ужасно бледны, — внезапно раздавшийся голос прервал его лихорадочные мысли.

Лян Сюань вздрогнул и повернулся к Шэнь Гумину.

Окинув взглядом красивое, встревоженное лицо юноши, он удивленно приподнял бровь:

— А ты откуда взялся? Все это время шел за мной?

"..."

Шэнь Гумин лишился дара речи. Неужели он настолько незаметен?

— Вы бледны как полотно, — упавшим голосом проговорил юноша. — Неужели рана, полученная в тайном царстве, оказалась настолько серьезной?

«Опять он за свое».

— Ты ведь тоже ранен, да еще и похлеще моего. Что ты ко мне-то прицепился?

— Это совсем другое, — упрямо покачал головой юноша.

— И в чем же разница?

— Папеньку защищает матушкин талисман марионетки, его сердце вне опасности! — прочирикал Тан Тянь.

— Птичья твоя душа... Тебя вообще кто-то спрашивал? — проворчал Лян Сюань.

— Пусть рана снаружи кажется пустяком, но при разделении сознания любой удар приходится прямо по душе, — тихо, сдерживая подступающую к горлу горечь, произнес Шэнь Гумин. — Неужели нельзя хоть немного побереечь себя? Вы бы только видели, как вы сейчас бледны... Кажется, стоит подуть ветру, и вы просто... упадете без чувств.

Последние слова он проговорил совсем тихо, едва не срываясь на глухой, прерывистый шепот.

Лян Сюань изумленно замолчал. Подобная искренняя забота была ему в диковинку. Он протянул руку и кончиками пальцев нежно приподнял подбородок юноши, заглядывая в его блестящие глаза. Мужчина привычно и дразняще улыбнулся:

— Ну и когда это я успел стать таким хрупким? К тому же, разве ты сам только что не сказал, что переживаешь за меня, мой маленький бессмертный господин?

Он смотрел на Шэнь Гумина в упор, не мигая. То ли его действительно ни капли не задело ранение, то ли он просто слишком привык прятать слабость за маской вечного шутовства.

Эта улыбка, теплая и мягкая, словно весеннее солнце, растапливающее лед, должна была успокоить. Но у Шэнь Гумина она вызвала лишь глухое раздражение. Он насупился:

— Вы же сами уверяли в Долине радостных кошмаров, будто сложены нежно и хрупки телом.

Припомнив свои легкомысленные шуточки в Долине радостных кошмаров, Лян Сюань моргнул

и прыснул со смеху:

— Да ладно тебе! Я же тогда просто дурака валял. Неужели ты принял это за чистую монету?

Шэнь Гумин одарил его убийственным взглядом.

"..."

Под этим тяжелым, немигающим взглядом Лян Сюаню стало не по себе. Потерев переносицу, он примирительно поднял ладони:

— Ладно, ладно, каюсь. Не стоило мне пороть чушь. Только не смотри на меня так свирепо. А то, чего доброго, от такого взгляда я могу потерять самообладание.

Юноша растерянно нахмурился:

— Что напряжется?

Поняв, что унылый юный ум чист и невинен, Лян Сюань тут же вошел в роль. Он картинно ахнул, прижал палец к губам и заговорщически прошептал:

— Тсс! Даже не спрашивай. Детям о таком знать рано. Это смертельно опасно, жутко и вообще под строжайшим запретом. Табу! Точно такое же, как и все те тайны, над которыми ты сейчас ломаешь голову. Понял? Спрашивать нельзя.

В ответ Шэнь Гумин лишь выразительно приподнял бровь, всем своим видом показывая: «Кому ты зубы заговариваешь?»

Поняв, что уйти от ответа не получится, Лян Сюань обреченно вздохнул и завел привычную волынку:

— Ну ладно, ладно. Твоему старшему уже перевалило за сотню лет. Я и не в таких переделках бывал, уж поверь. Это ранение кажется тебе страшным лишь потому, что ты еще молод. Для меня же это сущий пустяк. Так что выброси эти глупости из головы.

— Но я... — Шэнь Гумин крепко сжал кулаки и упрямо закусил губу.

"Но я не могу просто забыть об этом! Я безумно за тебя переживаю. Вдруг ты просто упрямисься и изо всех сил пытаешься скрыть боль за этим напускным безразличием?"

"И самое паршивое — я ничем, абсолютно ничем не могу тебе помочь..."

Лян Сюань пристально посмотрел на юношу. Слишком давно никто не говорил ему ничего подобного. Видя, как тот отчаянно борется с эмоциями, не зная, что сказать, и выглядя при этом глубоко несчастным, Лян Сюань на мгновение растерялся.

"Продолжить поддразнивать его?"

"Нет, пожалуй, не стоит. Наш маленький бессмертный господин вот-вот расплачется."

"Пригрозить, чтобы прекратил? Сказать, что если пустит слезу, я его взгрею?"

"Ну уж нет, что за варварские методы. Я ведь не какой-то злодей-пустышка, зачем нарываться на неприятности..."

Молчание затягивалось, становясь все более неловким, а лицо Шэнь Гумина мрачнело с каждой секундой.

В конце концов Лян Сюань окончательно сдался. Пользуясь тем, что юноша упрямо сверлит взглядом землю, он мягко опустился перед ним на корточки, ласково взъерошил его волосы, а затем взял его ладонь и бережно прижал к своей щеке.

В такие минуты он становился непостижимо нежным — совсем как когда-то описывал Син И. Его забота окутывала, словно прохладный ночной ветерок под аккомпанемент убаюкивающего стрекота цикад. В этом жесте крылось нечто томительно-сладкое и бесконечно притягательное.

— Ну всё, будет тебе. Со мной действительно все в полном порядке, — негромко, успокаивающе проговорил Лян Сюань. — Если мой маленький бессмертный господин все еще сомневается, то может меня ударить. Обещаю даже не поморщиться. Идет?

<http://bllate.org/book/18178/1751656>